

Тебя никогда не поражало свойство человеческой памяти, выхватывающей случайно брошенный взгляд или улыбку, оброненную фразу, эффектный жест или краткое мгновение? Или то, как вдруг, неожиданно, в памяти всплывает какой-нибудь момент или образ, подобно отдельному кадру из фильма? Говорят, в последнюю минуту жизни перед мысленным взором человека проносится вся его жизнь в виде кадров или снимков. Такой вот короткометражный фильм за ничтожно малую долю секунды. Черт его знает, почему это так, но что-то в этом есть, какой-то особенный смысл. Может быть, в этом свойстве памяти и есть что-то самое важное, что мы упускаем из виду?

Мы на автобусной остановке у выхода метро в спальном районе. Ты сидишь у меня на коленях, твоя рука покоится у меня на плече. Прижимая тебя к своей груди, я ощущаю биение твоего сердца. Наши губы соединились в долгом поцелуе под шум ливня и гул проезжавших по шоссе машин. Я обнимаю тебя все крепче, словно мой мираж вдруг ускользнет и растает в сумерках угасающего дня.

Мы у меня в постели. Ты доверчиво прижалась к моей груди лицом, как ребенок, и я, склонившись над тобой, перебираю непослушные завитки твоих волос. Только что ты была моей, и моя рука не щадила тебя, остановив свое движение только в капкане твоей орхидеи, оросившей мои пальцы влагой наслаждения. В эту минуту мне так хотелось защитить тебя, убаюкать, как маленькую девочку, затерявшуюся в большом городе. Мне казалось тогда, будто я обнимаю всю вселенную. Чувствовала ли ты в те минуты мою материнскую нежность, любимая моя девочка?

Ты сидела на краю балкона. Затем демонстративно встала на его выступе. Нас с тобой разделяло всего лишь стекло, и задвижка балконной двери, закрытая мной забавы ради, чтобы проучить свою провинившуюся девочку. Ты тогда не стала просить выпустить тебя. Это были, конечно, чисто позерство и дерзкая выходка с твоей стороны. Но ты мне такой нравилась еще больше, и я успела сделать пару снимков в телефоне, прежде чем открыла защелку двери. Несмотря на то, что ты рисковала нарушить равновесие и оступиться, а я — тем, что потеряла бы тебя из-за твоего мальчишества и моего желания проучить тебя. Позже, когда я потеряла телефон, я жалела об одном — что те снимки не вернуть. И все же они запечатлелись в моей памяти. Ты, сидевшая на краю балкона, свесив скрещенные ноги, твои руки в карманах джинсов. Ты, вставшая на выступе, на самом краю, небрежно держась рукой за раму, повернувшись лицом к солнцу, словно Икар, готовый устремиться ему навстречу. Ты была сама свобода. Мне тогда показалось, что твой силуэт в тени солнца в тот момент был отделен от меня много больше чем стеклянной перегородкой. Это было как роковое откровение, понимаешь ли ты меня?..

Ты у моих ног, у постели, где я нежусь, наносишь на мои уставшие ступни крем своими несмелыми — и оттого еще более любимыми — пальчиками. В какую-то минуту наши взгляды встретились. Не знаю, что ты тогда увидела в моем выражении лица, но тот твой

взгляд словно отпечатался в моей памяти навечно. Это был пацанский взгляд, горящий нескрываемым желанием. Ты была так красива в эту минуту. Я словно увидела тебя в первый раз. Это было больше, чем все наши смс-признания за все время наших встреч, понимаешь ли ты теперь, почему слова для меня не так важны? То мгновение — я хотела бы, чтобы именно оно всплыло в моей памяти в последнюю минуту, когда бы она ни настала. Я хочу, чтобы последний миг моей жизни был окрашен магнетизмом этого притяжения. Ты можешь быть уверена, любимая, — именно эта искра, зажегшая во мне пламя, потухнет последней.

А это прощание в метро, когда ты уходила к своим друзьям, а я уехала в ночь — помнишь ли ты его? Думаешь, я просто была слишком пьяна тогда? Играла? Стуцала краски? Нет, тысячу раз нет. И меньше всего в ту минуту, когда я обнимала тебя и, вглядываясь в милое твое лицо, жадно впитывала каждую его черточку, выражение, каждый завиток твоих непослушных волос. Ты снова ускользала от меня. Я любила в тебе свободу, но в ту минуту я ненавидела ее. И все же я люблю и ценю тебя именно такой, пускай свободной даже от меня. Для меня важнее не обладание тобой, а вся ты, от кончиков твоих стриженных «под мальчика» волос, до пальчиков ног в мужских ботинках. И еще важнее — содержание, нежели форма. Но ведь ты могла в ту ночь быть со мной, не так ли, милая? Именно в ту ночь, одну-единственную ночь.

А та девочка в электричке, похожая на тебя в подростковом возрасте — помнишь, меня заинтриговало мистическое совпадение: она, певшая под аккомпанемент гармони отца, вдруг остановилась около меня, замолкла и долго смотрела своими темными серьезными глазами. Это был твой взгляд — и мне ли не узнать его даже в миллионной толпе? Мне ли не узнать черные глаза моей любимой? Эта девочка была словно ты из прошлого — и что хотел сказать ее молчаливый маленький рот, ее прямой взгляд на смуглом лице, что за мысли скрывал ее гордый упрямый лоб? Это была загадка, такая же иррациональная, такая же прозрачная и скрытная одновременно, как и ты, моя любимая.

Как-то ты подарила мне статуэтку-подсвечник — коленопреклоненную темнокожую рабыню. Ты так боялась, что она вдруг потеряется или разобьется, что я сама стала воспринимать ее как символ нашей связи. Однажды при переезде один из пакетов выпал из багажника. И из всего содержимого пострадала только рабыня: одно из двух блюд, которые она держала, откололось. (Зачем я потом сказала тебе об этом!) В ту минуту мне показалось, что оборвалась невидимая нить, соединявшая нас (если так!). Блюдо я приклеила, но нить... быть может, она была слишком тонка?

И вот последняя картинка, которую ты увидишь моими глазами. В тот раз я зашла к тебе на работу. Ты сразу же увидела меня, и я поняла, что ты ждала, ждала меня. Потом ты подошла ко мне. Представь себе, мне запомнилось не лицо твое, не слова, которые ты говорила, мне запомнилось ощущение, что ты летела, когда шла. Будто не ноги направляли тебя ко мне, а одна только сила мысли. Словно тебя коснулся легкий бриз, пробежавшись по твоей форменной рубашке цвета безоблачного неба. Как я любила тебя в эту минуту! И как ненавидела невозмутимое спокойствие твоей рубашки. Поскольку то было спокойствие не счастья, но спокойствие не разбуженных в тебе чувств. Утес, о который разбиваются волны. Тебя позвали фотографироваться сотрудники. Ты стояла в центре, и от тебя в эту минуту

словно исходила харизма. Ты, органично смотревшаяся в кругу своих, была так далека от меня, как никогда.

В эту минуту я ясно увидела, что твоя жизнь совершенно противоположна и чужда моей. Я увидела, что, как ни фатальна была наша первая встреча, но все же эти отношения изначально обречены. Потому что ты в другом для меня мире. Мой — другой, неудобный для тебя. Ненадежный, нестабильный, беспокойный, и счастье в нем длится ровно до первого крутого виража, хаотично сметающего прежний образ жизни. Ты тогда чувствовала то же? Это была моя вина в твоих глазах. Но не будь так, не было бы меня, потому что именно в этом вся я. Тогда кого ты во мне любила? Наверно, все-таки не меня, милая моя, любимая девочка.

Одна за другой разбивались иллюзии. Я в твоих глазах становилась чем-то отрицательным и неправильным. Ты же постепенно отдалялась от меня. Ты скажешь, я сама все разрушила. Нет, я просто ускорила неизбежное, — этого ты мне не простила, любимая моя. Потом я читала твои последние послания — горечь ли это обиды? Или желание расставить точки над «і»? Ранила ли я свою вольнолюбивую девочку? Или развязала ей крылья? Спустя неделю я послала тебе последнюю свою смс-ку.

«Извините, я вас не знаю» — неужели твоя рука написала этот жестокий ответ? Или он справедливый? Или это была не твоя рука?

Так легко было это проверить, просто набрав твой номер, но... «Что ж, видимо, я вас тоже» — неужели эти слова написала я?!

А ведь этой рукой я перебирала твои непослушные кудри! Проводила ею по твоим бедрам! А ведь ты подавала мне свою руку, когда я выходила из такси. Эти пальчики ты задерживала в моих руках, когда так не хотелось расставаться.

Любимая, любимая, любимая, любимая, любимая, что я могу добавить к этому?..